

Организация российской полевой археологии в первые годы после двух революций (1917–1920 гг.)

Резюме. В статье прослежено становление системы государственных органов, в ведении которых оказалось археологическое наследие после Февральской революции и октябрьских событий 1917 г. В этом процессе очень важна роль персоналий. В основу положен анализ архивных документов и мемуарной литературы. После падения самодержавия необходимо было сохранить государственный контроль над археологическими исследованиями, который ранее был возложен на Императорскую Археологическую комиссию. Необходимо было также добиться принятия охранного законодательства. Научная общественность искала контакта с властью, особенно после октября 1917 г. Наметились две линии распоряжения археологическим наследием, корнями уходящие в традиции ИАК: административная по линии Наркомпроса и научная по линии РАК — РГАК — РАИМК. Система госорганов оформилась к 1920 г.

Ключевые слова: охрана культурного наследия, Императорская Археологическая комиссия, Российская государственная археологическая комиссия, Российская Академия истории материальной культуры.

Sorokina I. A. Organization of Russian field archaeology in the first post-revolutionary years (1917–1920). The article traces the formation of the state bodies in charge of the archaeological heritage, which appeared after the February Revolution and the October events of 1917. The role of personalities in the process is very important. The article is based on the analysis of archival documents and memoirs. After the fall of the monarchy it became necessary to maintain state control over the archaeological research. Previously it was carried out by the Imperial Archaeological Commission. It was also necessary to achieve the adoption of protective legislation. Scientific community wanted to achieve contact with the authorities, especially after October 1917. There were two lines of management of the archaeological heritage, rooted in the traditions of the IAK: one (administrative direction) represented by the People's Commissariat of Education, and the other (research direction) represented by the Russian State Archaeological Commission and the Academy of the History of Material Culture. System of government agencies was formed by 1920.

Keywords: Cultural heritage protection, Imperial Archaeological Commission, Russian State Archaeological Commission, Russian Academy of the History of Material Culture.

До Февральской революции 1917 г. основным правомочным учреждением по охране археологических памятников и руководству полевыми исследованиями была Императорская Археологическая комиссия (ИАК), одной из задач которой являлась координация полевых археологических работ. Ее роль и значение теперь оценено в полной мере (Пескарева, Рябинин 1984; Васильева

2000; Длужневская 2006; Тихонов 2008, Императорская... 2009). Вместе с тем, ИАК, будучи ограничена в области контроля над полевыми исследованиями частной собственностью на землю, малым штатом, вынужденным совмещением научных и административных функций, была во многом «вещью в себе». Она не имела реальной возможности руководить археологическими исследованиями в масштабах государства, хотя вклад ее в это дело был огромен (Фармаковский 1921: 3–4, 7). В советский же период ее положение и деятельность воспринимались иначе: «Руководство комиссии находилось в руках представителей наиболее реакционного класса старой России — класса помещиков, в руках придворных бюрократов и аристократической знати. Какое это имело значение, можно судить по тому, что археологическая комиссия, состоявшая под “высочайшим покровительством”, находилась при министерстве Двора, где занимала свое место наряду с прочими дворцовыми службами — вплоть до псарни и конюшни его величества» (Окладников 1950: 5). Тем не менее, в 1889 г. ИАК добилась государственной поддержки в установлении централизованного допуска к полевым работам посредством выдачи разрешений — открытых листов (далее ОЛ).

ИАК действительно подчинялась Министерству Императорского двора. После Февральской революции Россия стала республикой. Министерство было упразднено, так что ИАК фактически «повисла в воздухе». Вместе с тем остались и само это учреждение, и научная общественность, посвятившая себя изучению и сохранению культурного наследия. Не исчезли и проблемы: в Российской империи так и не было законодательства, охраняющего это наследие, несмотря на острую необходимость и огромное желание прогрессивной части российского общества его создать. Не было и единства между весьма многочисленными региональными научными обществами, так или иначе связанными с археологией. Наиболее выраженный конфликт — между ИАК и Московским археологическим обществом (МАО). Это концептуальные расхождения, усиленные личными отношениями.

Шла Первая мировая война. В связи с этим не состоялся XVI Археологический съезд, к которому усиленно готовились (Городцов 1928: 5). Количество полевых археологических исследований по сравнению с довоенным временем резко сократилось, но в небольших объемах они все-таки продолжались. Нельзя согласиться с В. А. Городцовым, утверждавшим, что «археологические труды как бы замерли» и полевых работ в 1917–1918 гг. не было (Городцов 1924: 1; 1928: 5). По архивным документам и упоминаниям в публикациях на данный момент мне удалось найти сведения о 29 полевых исследованиях, проведенных в 1917 г., и о 10 — в 1918 г.¹ Причем в основном это раскопки. Информация, полагаю, далеко не полная: и в спокойные мирные времена далеко не все извещали ИАК о своих работах и запрашивали, как положено, открытые листы. Что уж говорить о времени военной катастрофы и политических кризисов?

Памятники продолжали разрушаться и уничтожаться, так как ни природные, ни антропогенные факторы разрушения, разумеется, не исчезли. Возник

¹ Документы ОПИ ГИМ, РО НА ИИМК, публикация материалов из фондов ИАК (Белова 2009: 138–141), упоминания в сводных работах по полевым исследованиям (Жуков 1926), а также упоминания в историографических разделах отдельных статей и монографий.

вопрос: как не потерять археологическое наследие в период политических катаклизмов? И как сохранить и развить деятельность по его изучению? Один путь был очевиден и понятен: следовало перестроить работу ИАК, убрав недостатки и усилив возможности. Сильной стороной деятельности ИАК, несомненно, была система выдачи ОЛ, которая позволяла в немалой степени контролировать полевые работы в масштабах государства. К тому времени она уже устоялась (Сорокина 2008: 38–39). Менталитет исследователей и региональных научных и краеведческих обществ менялся в сторону понимания необходимости централизованных и подконтрольных полевых исследований. Правда, не всех — Московское археологическое общество (МАО) упорно не признавало систему. Но вместе с тем именно МАО выступило с инициативой обсуждения и принятия охранного законодательства (Проект... 1911). С открытыми листами или без них, но значительная часть научной общественности понимала, что нужно приложить максимум усилий для сохранения существующей системы контроля хотя бы на период, пока будет создаваться какая-то новая система. Активность проявили петербургские ученые, деятели ИАК и РАО (Платонова 1989: 7). Не удивительно, что они взяли за основу будущих преобразований модель ИАК и сумели провести ряд ее преобразований, обеспечивших соответствие новым реалиям. Вряд ли на тот момент в условиях войны и назревания очередного внутреннего кризиса можно было сделать больше.

В мае 1917 г. ИАК приняла «Положение о Российской археологической комиссии 1859 года с изменениями и дополнительными распоряжениями по 1917 г.» (РО НА ИИМК. 1917. Ф. 1. Д. 71. Л. 1–3). В этот документ внесены существенные изменения, накопившиеся с 1859 г. Основное — выдача ОЛ, введенных в 1889 г. Возникло и новое название — Российская археологическая комиссия (РАК). Члены комиссии стремились сохранить государственный статус комиссии и ее полномочия, в основном определенные еще в 1859 г., а также правила, разработанные с немалым трудом после введения ОЛ (РО НА ИИМК. 1887. Ф. 1. Д. 69. Л. 126–145). Понятна была и необходимость преодолеть ограничения, ранее делавшие работу ИАК не слишком эффективной, для чего были необходимы дальнейшие преобразования. Но все это существовало еще только в представлении самой РАК — государственная власть нормально не функционировала, за краткое время произошли хорошо известные три кризиса Временного правительства. Так что пока следовало говорить только о подготовке к контакту с государством и утверждению статуса.

После событий октября 1917 г. власть в России сменилась еще раз. Стало ясно, что все дальнейшие действия по обеспечению работы РАК должны быть согласованы уже с ней. Надолго ли она пришла и что собой представляет, никто не знал, но необходимо было иметь в ней союзника. Это не только обеспечило бы дальнейшую работу, но и дало бы то, чего ИАК не имела: полномочия на реальный контроль над полевой археологией в России. Административно РАК была, как и Академия наук, включена в систему учреждений Наркомпроса (Организация 1968: 4–6), подчинялась Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, потом Отделу по делам музеев и охране памятников старины (МУЗО) (РО НА ИИМК. 1918. Д. 20; Фармаковский 1921: 7–8).

На этом заканчивается первый этап спасения археологической службы² России и ее археологического наследия после распада империи. Главным итогом явилось сохранение археологического ведомства в системе государственных органов и признание самого факта необходимости его существования. «Февраль 1917 г., вначале более сказавшийся на названии Императорской Археологической комиссии, нежели на ее деятельности, положил начало реорганизации этого учреждения, превратившей ее из организующего центра российской археологии в ведущую научную силу страны...» (Императорская... 2009: 247). Несмотря на крайне тяжелую политическую и экономическую ситуацию, в условиях гражданской войны и разрухи появился шанс продолжить дело ИАК.

Между тем новая власть и сама столкнулась с непредвиденными трудностями. Пресловутый Декрет о земле, принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г., декларировал новые реалии. Это многообразие форм землепользования, отмена частной собственности на землю, конфискация частных земель и имений и переход их в распоряжение волостных земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов, переход земли государству с последующей безвозмездной передачей ее крестьянам. Декрет, как известно, отражал не большевистские установки на полный контроль над землепользованием (это будет сделано позднее в ходе коллективизации), а программу эсеров о «социализации» земли, что больше отвечало чаяниям крестьян в то время и обеспечило поддержку новой власти с их стороны. Декрет действовал до Учредительного собрания, которое должно было узаконить новый порядок. После роспуска его большевиками в январе 1918 г. он был заменен Декретом ВЦИК «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г. Статья 11 этого Декрета так определяла задачи распоряжения землей со стороны земельных отделов местной и центральной Советской власти:

- создание условий, благоприятствующих росту производительных сил страны;
- создание запасного фонда земель сельскохозяйственного значения;
- развитие сельскохозяйственных промыслов;
- ускорение перехода от малопродуктивных к более производительным системам полеводства;
- развитие коллективного хозяйства в земледелии в целях перехода к социалистическому хозяйству.

Единственное, что не вписывалось в эти задачи — охрана культурного наследия, находящегося на этой земле и в ней (т. е. археологических памятников). В результате политическое решение едва не привело к катастрофе. Началось безудержное уничтожение движимых и недвижимых памятников всех категорий, прежде всего видимых: усадеб, дворцов, монастырей, церквей и т. д. Археологии это тоже касалось — памятники, как и раньше (на что все время сетовали и ИАК и ученые Общества), сознательно грабились и уничтожались в процессе сельскохозяйственных работ. Необходимо было обеспечить

---

² Термин «археологическая служба» в наше время обычно применяется для обозначения организаций, занимающихся охраной археологических памятников, а не их научным исследованием. Он является общепринятым в их официальных наименованиях. Поскольку ИАК занималась регламентацией полевых исследований, термин вполне применим.

их охрану жесткими мерами со стороны государства. Интеллигенция, научная общественность из тех, кто был согласен сотрудничать с советской властью, крайне обеспокоились и сумели оказать на нее воздействие в этом плане. Постепенно сложилась схема строения органов управления археологическим наследием и его изучения.

Советская власть начала заниматься вопросами образования и культуры с первых же дней своего существования. 27 октября (9 ноября) 1917 г. Декретом ВЦИК и СНК была образована Государственная комиссия по просвещению, в июне 1918 г. преобразованная в Народный комиссариат просвещения. Ее председателем (потом наркомом просвещения) был назначен А. В. Луначарский — знаковая фигура, благодаря которой до конца 20-х гг. стало возможным реализовать многие полезные начинания в области охраны археологического (и иного культурного) наследия. Тогда же в июне 1918 г. на местах при исполкомах Советов рабочих и крестьянских депутатов всех уровней (губернских, уездных, волостных) были созданы Отделы народного образования Наркомпроса (ОНО). Это важная веха, поскольку возникал естественный вопрос: как на практике реализовывать политику и мероприятия НКП на огромной территории государства. Так создавалась иерархическая структура. В дальнейшем мероприятия, связанные с охраной памятников археологии и музейными археологическими экспозициями на местах, в значительной степени привязывались к этой лестнице. ОНО часто выполняли функции надзорных органов.³

Помимо проблем образования на Государственную комиссию по просвещению, потом на Наркомпрос, было возложено управление культурным наследием. Постановлением комиссии от 29 января 1918 г. при ней был создан Отдел искусств (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 1085). В нем значились подотделы изобразительного искусства, театра, музыкального искусства и т. д. При всех подотделах должны были действовать советы из представителей «компетентных кругов и учреждений, а также организованной трудовой демократии». В том числе создавался и Совет по охране старины и искусства. «Последний, как несущий административные функции и ведающий распоряжением значительным и высокоценным народным имуществом, считается, в отличие от остальных, имеющих характер совещательных органов и общественного представительства при НКП, органом государственной власти». Устав его помимо Государственной комиссии по просвещению должен был утвердить СНК. Этот Совет имел двойное подчинение: Наркомпрос и Комиссариат имуществ Республики. В дальнейшем такая ситуация на некоторое время вызвала конфликты и препирательства между двумя ведомствами, в том числе и по поводу распоряжения археологическими памятниками и находками. Этот Совет явился предтечей Отдела по делам музеев и охране памятников старины (МУЗО), созданного в системе НКП в мае 1918 г. основного государственного органа, занимавшегося впоследствии всеми типами движимых и недвижимых памятников, в том числе археологических.⁴

³ До 1970-х от этих организаций изредка поступали заявки на ОЛ.

⁴ Важнейшим направлением деятельности этого Отдела с 1918 по 1935 г. станет работа по выдаче открытых листов на археологические раскопки и разведки, а с 1932 г. — также и административное обеспечение охранных работ археологов в зонах новостроек.

Для осуществления своих многообразных задач Наркомпрос РСФСР имел подразделения разного уровня в регионах: губернские, уездные, волостные; после изменения административно-территориального деления СССР — областные, краевые, районные. В национальных регионах действовали Наркомпросы автономных республик. Структура учреждения менялась по сравнению с изначальной, но не всегда удачно. Так, новое Положение о работе Наркомпроса, разработанное по решению Пленума ЦК РКП(б) комиссией во главе с В. И. Лениным, было утверждено Декретом СНК 11 февраля 1921 г. Но часть созданных органов через год опять была преобразована. В 1946 г. все наркоматы союзных и автономных республик (в том числе и Наркомпрос) были заменены министерствами. Но к этому времени полномочия по регламентации полевой археологии уже были переданы в Академию наук и с 1937 г. практически осуществлялись Институтом истории материальной культуры (ИИМК АН СССР). Несколько раньше, в 1935 г., эти полномочия были переданы из центрального аппарата Наркомпроса в подведомственную ему Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), на базе которой в 1937 г. и был сформирован ИИМК, вошедший в структуру АН СССР.

Подразделения Наркомпроса (в разное время МУЗО, Главмузей, Главнаука, Академический центр), непосредственно занимавшиеся проблемами, связанными с культурным наследием, в том числе и археологическим, контролировали сеть многочисленных подведомственных учреждений в финансовом отношении, определяли направления их деятельности в общем русле государственной политики, занимались кадровыми вопросами. Они готовили законодательные документы для принятия их высшими органами власти ВЦИК и СНК и нормативную основу для управления культурным наследием. В полной мере это относилось к полевой археологии. Поэтому для понимания развития этой отрасли нашей науки необходимо рассмотреть структуру государственных органов, направления их деятельности, некоторые политические тенденции, ее определяющие. Вторая причина — часто возникающая в археологической литературе путаница не только в названиях, но и в статусе и функциях разных учреждений этого периода. Меж тем, точность важна, поскольку разный статус дает разные полномочия. Следует отметить, что огромную роль играли и персоналии — личности руководителей разных уровней, отдельных представителей научной и творческой интеллигенции, самоотверженно борющихся за сохранение памятников старины или, напротив, препятствовавших ему.

В начале 1918 г. начинается новый этап в деле построения системы управления культурным, в том числе археологическим наследием. Еще 7(20) ноября 1917 при Государственной комиссии по просвещению была образована Соединенная комиссия для розыска похищенных из Зимнего дворца вещей (совместно с ВЧК). В январе 1918 г. она вошла в состав подразделений Наркомпроса, а в марте 1918 была преобразована в Коллегию по делам музеев и охраны памятников старины и искусства Петроградской губернии (председатель Г. С. Ятманов). В Москве в мае 1918 г. была создана Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при НКП РСФСР. Председателем ее стала Н. И. Трощая. В Положении о Коллегии так и указано, что ее составляют две части — Петроградская и Московская (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 23. Л. 288–289, об). Членом московского органа в числе представителей музеев

состоял и В. А. Городцов.⁵ Цели Коллегии, согласно Положению, определялись так: содействие «научной и учебно-просветительской деятельности художественных и **историко-археологических хранилищ**» путем правильной организации их работы; обслуживание интеллектуальных и эстетических запросов масс (наглядность в музеях, научно-популярные издания, репродукции и т. д.). Задачи в числе прочих:

- Создание новых историко-художественных музеев по образцу имеющихся, и совсем новых музеев по новым отраслям.
- Образование национального музейного фонда (в том числе из археологических коллекций).
- Реставрация памятников и предметов старины.
- Организация научных, художественных и археологических экспедиций.
- Учет, регистрация и охрана дворцов и любых предметов старины в государстве.
- Вместе с Совдепом выдача охранных грамот на памятники.

Видно, что многое взято из деятельности ИАК, т. е. в основу системы управления культурным наследием в первые десятилетия советской власти были заложены хорошо известные принципы и традиции. Но разница в том, что ИАК, будучи государственным учреждением, все же была ограничена правом частной собственности на землю и, соответственно, на археологические находки (поскольку действие ОЛ на частные земли не распространялось), а сейчас охранная деятельность не только законодательно оформлялась в масштабах государства, но и была подкреплена административными и даже уголовными санкциями. Так, в циркулярах, регламентах и иных документах МУЗО прямо указывалось, что хищение, разрушение и порча памятников, в том числе археологических, карается штрафами и уголовной ответственностью. В тогдашней реальности, разумеется, это было практически неосуществимо, как и полный учет памятников, и реальный контроль за их состоянием. Но важно, что такие меры были обозначены и задачи поставлены.

В мае 1918 г. на базе Коллегии был образован Всероссийский отдел по делам музеев и охране памятников старины, в документах — Музейный отдел, МУЗО (ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. 20 б. Л. 175). Таким образом, была сформирована система управления культурой. По замыслу А. В. Луначарского, Коллегия должна была стать управляющим, экспертным и методическим органом, а Отдел — исполнительным административным органом, реализующим решения Коллегии (Грабарь 2001: 262–265). На практике эти институции все время и на всех уровнях путались. Даже в Декрете 1919 г. об образовании РАИМК указано, что она работает с Археологическим отделом Коллегии, хотя такового не существовало. Зато был VIII Археологический подотдел Отдела музеев. И. Э. Грабарь, которого А. В. Луначарский просил еще до переезда правительства в Москву заняться организацией там коллегии, аналогичной петроградской, пишет в своих воспоминаниях, что Коллегия вскоре была переименована в «Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины», хотя по архивным документам они существовали параллельно. Впрочем, И. Э. Грабарь был весьма далек от бюрократических тонкостей, которые, видимо, не имели для

⁵ Как представитель Российского исторического музея (впоследствии ГИМ).

него значения. Поэтому неточности подобного рода в его книге встречаются нередко. Важна была суть. Первоисточником идеи он называет В. И. Ленина, что вполне правдоподобно: без его ведома и благословения в то время никто не решился бы на реализацию подобной идеи.

В сентябре 1918 г. появилось Постановление Наркомпроса «Об образовании Коллегий по делам музеев и охране памятников искусства и старины при отделах народного образования губернских Совдепов» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 23. Л. 283, об.). Как и ОНО, они должны были составить иерархическую систему подчинения местных ячеек. Последовало также по аналогии с ОНО Постановление Наркомпроса от 7 декабря 1918 года «Об образовании губернских подотделов по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделах народного образования губернских Совдепов» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 23. Л. 277, об.). Губернские подотделы находились под общим руководством Отдела по делам музеев в (филиалы в Петрограде и Москве) и должны были состоять из представителей ОНО (для политического руководства) и специалистов: музейоведа, художника, архитектора, археолога (!), историка. Задачи: заведование музеями, реорганизация существующих и организация новых музеев, охрана памятников (в том числе археологических), их учет и регистрация, создание губернских музейных фондов для распределения их во всероссийском масштабе по плану МУЗО. Все это в полной мере относилось и к археологическим экспозициям.

МУЗО возглавила Наталья Ивановна Троцкая (Седова) (1882–1962), занимавшая эту должность до весны 1927 г. Председателем петроградского подразделения оставался Г. С. Ятманов. Роль Н. И. Троцкой в деле сохранения культурного, в том числе археологического, наследия при сложившемся после октября 1917 г. «ручном режиме» управления государством трудно переоценить. То же можно сказать и о наркome А. В. Луначарском, с которым она работала в тесном контакте и при полном взаимопонимании. Н. И. Троцкая прекрасно понимала всю важность задачи, была талантливым организатором. Она сумела собрать в МУЗО и вокруг него коллектив специалистов из известных деятелей культуры досоветского времени, таких как И. Е. Грабарь, В. А. Городцов, Н. Я. Марр и др. С их помощью разрабатывались идеи научной реставрации, музейоведения и регламентации археологических исследований. Немалое значение имел и тот факт, что она могла решать проблемы и получать помощь на самом высоком уровне. В книге воспоминаний «Моя жизнь», впервые изданной в Берлине в 1930 году, Л. Д. Троцкий, возглавлявший Наркомат по военным и морским делам, так писал о работе своей жены: «Ей приходилось бороться за памятники прошлого в обстановке гражданской войны. Это была нелегкая задача. Ни белые, ни красные вообще не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, кремлях или церквях... Хранители дворцов и музеев обвиняли военных в недостаточном уважении к культуре, военные же и комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мертвых вещей живым людям. Формально выходило, что я находился в непрерывном ведомственном препирательстве с собственной женой. На этот счет было немало шуток...» (Троцкий 1991: 343–344). На самом деле только военное ведомство и могло в условиях гражданской войны помочь с транспортом, охраной и иным обеспечением некоторых археологических экспедиций 1920–1921 гг. В архивных делах тех лет содержится переписка МУЗО с начальниками военных округов.

Для практической реализации задач МУЗО в области археологии в мае 1918 г. был создан Археологический (VIII) подотдел МУЗО (далее АПО). Заведующим назначили В. А. Городцова. Нельзя согласиться с предположением, что организация отдела могла быть его личной инициативой, всего лишь поддержанной властями (Платонова 2010: 204). Н. И. Платонова совершенно справедливо отмечает, что до середины 1920-х гг. руководство Наркомпроса не проявляло собственной инициативы в преобразовании «археологических научно-исследовательских и музейных структур» (Платонова 2010: 215). Но АПО изначально должен был стать административным, а не научным органом. Проблема учета и сохранения археологического наследия, а также правильной регламентации полевых исследований возникла перед новой властью сразу же и, как отмечалось выше, непосредственно связана с Декретом о земле, вернее, с теми разрушениями, которые он спровоцировал. Нейтрализовать последствия можно было только с привлечением административного ресурса и государственного законодательства. Такие акты, подготовленные МУЗО, были приняты: Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (от 05.10.1918); Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» (от 07.01.1924); Инструкция Наркомпроса «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы», утвержденная Президиумом ВЦИК (от 07.07.1924). Все они содержат статьи, непосредственно относящиеся к археологическим памятникам, находкам и организации полевых исследований. В дальнейшем последовали другие: и государственные документы, и многочисленные приказы, циркуляры и распоряжения Наркомпроса, прямо касающиеся археологического наследия. Представляется, что возникновение в структуре МУЗО административного подразделения, ведающего этим наследием, обязанного разрабатывать нормативную базу с учетом археологической специфики и претворять ее в жизнь, было предопределено и совершенно логично. Другое дело — результат. И здесь нельзя не согласиться с Н. И. Платоновой в том, что сама властная личность В. А. Городцова и его неконструктивная позиция по отношению к петроградским учреждениям — правопреемникам ИАК — оказались катализаторами конфликта и отрицательно повлияли на развитие отечественной археологии.

Возникает вопрос, а почему новая власть вообще обеспокоилась таким частным (на фоне общих великих задач) вопросом, как охрана археологического наследия? И нужно ли ей было это наследие? Представляется, что во многом это зависело от настроений определенной части общества — интеллигенции. Новой власти на первых порах были очень нужны союзники, кроме того, необходимы были люди, способные воплотить в жизнь декларируемые начинания в области культуры. Конечно, старая интеллигенция отнеслась к новому политическому раскладу настороженно. Но она не хотела потерять культурные ценности, накопленные веками. И со стороны власти некое понимание присутствовало. В числе новых руководителей были люди, имевшие кое-какое образование. Некоторые побывали в эмиграции, были знакомы с западной культурой и искусством. Поэтому на том этапе, хотя и с взаимным недоверием, сотрудничество старых специалистов и новой власти оказалось возможным. Именно на такой основе взаимного недоверчивого сотрудничества формиро-

вались органы культурного строительства в первые годы после октябрьских событий. Конечно, ниточка была очень тонкой. Тем более остро стоял вопрос о консолидации сил образованного гуманитарного сообщества для благого дела — сохранения и накопления культурных ценностей.

Итак, АПО был создан не случайно. В этом также прослеживается традиционная связь российской археологии и государства, воплощением которой была ИАК. АПО, естественно, работал в Москве, где дислоцировался центральный аппарат Наркомпроса и МУЗО. Постепенно сформировался штат, были выделены средства на его содержание. В 1919 г., включая заведующего, в штате АПО значилось семь человек: научные специалисты, машинистка, курьер. Как свидетельствуют документы, штат не был заполнен. Научный состав АПО с 1918 г.: научные сотрудники Ф. А. Афремова (образование — Московский археологический институт), Е. А. Маркова (Петроградские историко-филологические курсы и три года обучения в университете Шанявского), Л. И. Якунина (Историко-филологический факультет Высших женских курсов в Москве и Археологический институт); С. П. Григоров, чиновник, с 1919 г. заместитель заведующего (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 420. Л. 214). Как видно, состав по тем временам весьма профессиональный. Не случаен и выбор заведующего. Среди московских археологов того времени В. А. Городцов был наиболее крупной, авторитетной и яркой фигурой. Он руководил АПО до сентября 1926 г. Об этой стороне его деятельности известно очень мало, ее можно изучать только по неопубликованным архивным материалам. Его уход из АПО был вынужденным и был воспринят им как часть обрушившихся на него в конце 20-х гг. гонений.

Оказавшись главным администратором российской археологии, В. А. Городцов подошел к делу основательно и ответственно, но, разумеется, согласно своим позициям и установкам. В его личном фонде есть копия «Инструкции Археологическому подотделу Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины» от 02.10.1920. На документе пометка: «подлинник подписала Н. Троцкая» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. 308. Л. 3–4). «Инструкция» подписана самим В. А. и явно им же составлена. В ней определены следующие задачи (орфография и стиль сохранены): «приведение в известность и постоянный учет всех доступных изучению предметов отечественной археологии; розыскание и извлечение археологических памятников по всей территории Российской республики, а также приобретение относящихся до отечественной археологии предметов, находимых вне указанной территории; постоянная связь и посильное содействие учреждениям и лицам, предметом занятий коих является в той или иной мере отечественная археология». Подробно расписаны способы их разрешения: поддержка музеев; «приобретение археологических памятников (скорее находок. — *И. С.*) в оригиналах и копиях»; учет археологических памятников и находок; организация археологических экспедиций и поддержка учреждений и лиц, их проводящих; составление археологических карт России; созыв археологических съездов и совещаний; содействие изданию археологических трудов и многое другое. Анализ документа показывает, что автор был прекрасно знаком с «Положением» об ИАК и многое почерпнул оттуда. Но масштабы и функции значительно шире. Примечательно, что нет речи об открытых листах на проведение полевых работ. Это не удивительно, поскольку Городцов сформировался как археолог в сфере МАО, не признававшего систему центра-

лизованной регламентации и находившегося в конфронтации с ИАК. Сам В. А. в первой половине 1920-х гг. их не запрашивал и для себя и своих сотрудников заменял мандатами, решение о выдаче которых сам же и принимал. Это вызывало постоянные конфликты с петроградскими правопреемниками ИАК: РАК — РГАК — РАИМК. Третьим судьей вынужден был выступить МУЗО.

Вместе с тем, есть свидетельства безусловно правильной политики АПО. В фонде В. А. Городцова хранится Циркуляр АПО, возможно, разосланный на места и представляющий собой запрос о проведении полевых работ в 1918 г. и планах на 1919 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. 308. Л. 5–6).⁶ В начале 1921 г. в АПО был разработан проект организации шестинедельных курсов по подготовке инструкторов по охране и изучению археологических памятников при губнаробразе на 60 чел. Об этом в Отдел Съездов Наркомпроса было направлено письмо Музейного отдела (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 420. Л. 67). Началась также работа по составлению археологической карты Европейской России, что очень важно для учета памятников археологии. Сложнее было с полевыми работами. Из годового отчета Музейного отдела за 1923/24 г.: «В отношении памятников археологии мы воздерживались от производства раскопок в связи с тревожным периодом гражданской войны, считая сохранность предметов более обеспеченной, когда они находились в земле. Музейный Отдел вел лишь внешний предположительный учет и стремился всяческими мерами предотвратить кладоискательство» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 549. Л. 1–33). Последнее действительно так. В АПО стекалась информация о самовольных раскопках, происходили регулярные разбирательства, разъяснения по поводу необходимости запрашивать разрешения и составлять информативные заявки на полевые работы. Всему этому в архивной папке АПО есть многочисленные документальные подтверждения (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 420). И это при том, что сам В. А. был настроен против сложившейся с 1889 г. системы регламентации. Вероятно, он, как умный человек, все-таки понимал, что в столь сложной политической и экономической обстановке централизованный контроль был необходим, но стремился сделать центром АПО, не допуская конкурентов.

С мая 1918 г., параллельно с созданием в системе Наркомпроса административных единиц МУЗО и АПО, в Петрограде началась работа по реорганизации и расширению РАК. Ставилась главная задача — получить государственный статус при новой власти. Новый устав комиссии был утвержден Наркомом просвещения А. В. Луначарским 17 октября 1918 г. РАК преобразовывалась в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК), что подчеркивало ее статус. В полномочия комиссии по Уставу включалось: определение задач, стоящих перед археологией, и организация полевых археологических исследований, составление плана археологических исследований, снаряжение экспедиций, охрана монументальных памятников древности, издание трудов по археологии, содействие распространению знаний по археологии (РО НА ИИМК. 1918. Ф.1. Д. 20. Л. 1г). Количество членов Комиссии увеличивалось. Председателем РГАК был избран Н. Я. Марр, заместителем председателя — В. В. Латышев. В январе 1919 г. Коллегия по делам музеев и охране памятников

⁶ Свидетельств этой рассылки нет. Сам В. А. Городцов позднее утверждал, что в 1918 г. полевых работ не было (см. выше). Видимо, данные не были получены.

искусства и старины НКП утвердила выборы. Комиссия, как и созданный годом ранее Совет по охране старины и искусства (см. выше), подчинялась не только Коллегии (направления деятельности, штатное расписание), но по финансовым вопросам — и Народному комиссариату имуществ Республики (потом Отделу имуществ НКП). Это отражено на бланках переписки.

В 1-м полугодии 1919 г. в смете Наркомпроса на деятельность РГАК было заложено 84 000 руб. (для масштаба цен: билет в баню стоил 3 руб.). Деньги очень скромные, но важно, что они появились (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 23. Л. 234, об., 235). Для сравнения: на Академию наук тогда же было выделено 3 865 000 руб.; на Всероссийскую Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины — 21 438 645 руб. («на учреждения и мероприятия»). С финансированием, правда, постоянно возникали проблемы. Так, в июне 1919 г. выяснилось, что не утверждена смета Отдела имуществ на 1919 г., а стало быть, и смета РГАК, которая еще весной была преобразована в более крупное учреждение — РАИМК (РО НА ИИМК. 1919. Ф. 1. Д. 1). Поэтому руководство РАИМК было очень заинтересовано в переходе из Отдела имуществ в прямое подчинение Научного отдела Наркомпроса (с 1921 г. Главнаука), что и было закреплено Декретом СНК об образовании РАИМК от 18 апреля 1919 г.

Одним из важнейших направлений деятельности ИАК была регламентация полевых исследований. Те же функции предполагались для РАК и РГАК. Этот процесс имеет две составляющие — научную и административную (Сорокина 2008: 37–44). Соответственно, для эффективной работы в деле охраны и изучения археологического наследия в государственном масштабе, по мнению членов Комиссии, необходимо было два учреждения с разделением функций: научное и административное. РГАК должна была состоять в тесном контакте с МУЗО и его подотделами (Археологическим, Музейным и Охраны памятников), выполняя исключительно научные функции (Фармаковский 1921: 8). Для налаживания плодотворного контакта МУЗО в декабре 1918 г. направил в РГАК письмо о создании Археологического подотдела (хотя образован он был в мае, но тогда еще не было РГАК), который «развивает свою деятельность под непосредственным ее (РГАК. — И. С.) покровительством» (РО НА ИИМК. 1918. Ф. 1. Д. 20. Л. 124). Таким образом, РГАК наделялась полномочиями на проведение научной экспертизы заявок на полевые работы и их результатов (по отчетам). АПО должен был заниматься административной работой: получением заявок, передачей их на рассмотрение в РГАК, выдачей ОЛ по ее заключению, получением отчетов и направлением их на рецензирование и хранение в РГАК.

Отношение к деятельности РГАК у самих ее членов было различным. С. А. Жебелёв позже писал: «Российская государственная археологическая комиссия представляла собой лишь исправленное и дополненное издание императорской» (Жебелёв 1935: 172). Это не совсем так. РГАК расширила практическую деятельность как научное учреждение и встала на путь подкрепления ее реальными возможностями. Представляется, что ближе оценка Б. В. Фармаковского, непосредственного участника и одного из авторов преобразований. Он характеризует РГАК как вариант отнюдь не удовлетворительный, но представляющий собой необходимое промежуточное звено в деле создания более солидной и полномочной организации (Фармаковский 1921: 8). Таковой должна была стать Российская Академия материальной культуры. Процесс ее

создания отражен в архивных материалах Рукописного отдела Научного архива ИИМК и Отдела письменных источников ГИМ, куда поступили документы Отдела по делам музеев Главнауки. Детальный анализ ситуации по документам ИИМК дан в литературе (Фармаковский 1921; Пескарева 1980; Платонова 1989; 2010: 219–225). В связи с этим в данной работе вдаваться в подробности процесса я не буду. Но на некоторых моментах остановиться необходимо.

18 апреля 1919 г. Декрет о роспуске РГАК и создании РАИМК был утвержден на заседании Малого Совета СНК и подписан В. И. Лениным. Это была огромная победа. Декрет устанавливает подчинение Научному отделу Наркомпроса (в том числе и в финансовом отношении), «сохраняя тесную органическую связь с Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины НКП». Важнейшим для развития полевой археологии является п. 5 Декрета: РАИМК «ведает в пределах РСФСР научной стороной всех раскопок и разведок, право на производство которых выдается Археологическим Отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии» (явно имеется в виду АПО). Между двумя учреждениями четко разграничены научные и административные функции. Однако в дальнейшем именно этот пункт станет причиной раздора между ними. По Уставу РАИМК, принятому и утвержденному Государственным ученым советом в сентябре 1919 г., Академия также занимается чисто научными задачами (РО НА ИИМК. 1919. Ф. 2. Д. 4. Л. 28; РО НА ИИМК. 1919. Ф. 2. Д. 1-а. Л. 1–18). Устав предусматривал структуру РАИМК из трех отделений, а также Института археологической технологии (ИАТ), созданного в 1919 г. на базе Технического комитета при ИАК. Комиссия по раскопкам, ведавшая рассмотрением заявок на полевые работы и отчетов по ним, входила в структуру ИАТ.

Авторы основополагающих документов брали за образец хорошо известное им «Положение» об ИАК от 1859 г., пересмотренное и дополненное в 1917 г. (РО НА ИИМК. 1859. Ф. 1. Д. 1. Л. 50; РО НА ИИМК. 1917. Ф. 1. Д. 71). Именно содержащиеся там пункты о полевой археологии сделали ИАК основным археологическим учреждением Империи. Поэтому и в документы 1919 г. заложены функции контроля над археологическими исследованиями, в том числе полевыми. Новое в том, что административная часть отдавалась АПО. Однако этот орган в лице заведующего В. А. Городцова оказался категорически не согласен с такой постановкой вопроса и со временем начал претендовать и на научный аспект тоже. Речь идет о научном руководстве археологическими работами, их планировании в государственном масштабе, распределении находок, управлении музейными программами. В 1924–1925 гг. Археологическая комиссия при Научно-методической библиотечной секции ГУС под руководством В. А. Городцова по задачам и некоторым видам деятельности начинает дублировать РАИМК (ОПИ ГИМ, Ф. 431. Ед. 313. Л. 1–2). То же относится и составленному им в 1923 г., но не реализованному, проекту Центрального археологического бюро (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. 308. Л. 25–26).

Взаимоотношения вновь создаваемой Академии с иными археологическими организациями, прежде всего московскими, были непростыми. В Москве были сосредоточены немалые научные силы и крупные учреждения: Антропологический музей Московского университета, Российский исторический музей, Археологический институт и т. д. Московское археологическое общество

хотело автономии с присвоением некоторых функций ИАК. Удалось достигнуть соглашения. Переговоры с представителями МАО и АПО вел Н. Я. Марр 26 мая 1919 г. Со стороны Москвы была предложена «децентрализация научной деятельности». Это фактически означало предложение не вмешиваться в деятельность московских археологов. Такая позиция, безусловно, была инспирирована В. А. Городцовым, который являлся не только заведующим АПО, но и активным деятелем МАО. Тем не менее, была образована Московская секция РАИМК (МС РАИМК), работавшая по Уставу Академии. Первые документальные свидетельства ее существования относятся к 1920 г. Положение о ней было утверждено Советом РАИМК в марте 1921 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. 18. Л. 3). Деятельность и судьба ее заслуживают самостоятельного исследования. В составе секции работали пять комиссий: Археологическая, Этнологическая, Историко-художественная, Музееведения, Архитектурная. Председателем Археологической комиссии с самого начала был избран все тот же В. А. Городцов (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Ед. 61). В 1924 г. он сложил полномочия и покинул МС.

На 15 июля 1919 г. были намечены выборы в РАИМК, инструкция по проведению которых была утверждена Коллегией Наркомпроса 4 июня (РО НА ИИМК. 1919. Ф. 2. Д. 3. Л. 21, об., 23). Было очень важно добиться единства научного сообщества, в противном случае все начинание оказывалось под угрозой. РАИМК воспринималась бы властями не как авторитетное учреждение всероссийского масштаба, этой самой власти необходимое, а как еще одно общество частного характера. Таких образований тогда было много. Это прекрасно понимал как сам Н. Я. Марр, так и Н. И. Троцкая. Их переписка по этому поводу свидетельствует о полном единстве взглядов и готовности к сотрудничеству (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 37).

Позиция Н. Я. Марра понятна: РАИМК была его детищем. Чего же ждали от нового учреждения «московская часть» Коллегии по делам музеев и Отдел музеев? Помощи в деле научного руководства реализацией своих задач, прописанных в Положении о Коллегии (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 23. Л. 288–289, об.). Это организация научной и учебно-просветительской деятельности, художественных и историко-археологических хранилищ. Необходимы были экспертные оценки, научно обоснованные программы, подготовка кадров в области музейного дела, архитектуры, искусства и археологии. Поскольку Академия наук этими направлениями не занималась, вся надежда была на РАИМК, которая могла объединить (и объединила) лучшие научные силы. Вопрос непосредственно касался и регламентации полевой археологии. И в уставе РАИМК, и в различных инструктивных документах ей предписана экспертная работа, на основании которой МУЗО (через АПО) выдавал открытые листы. Не случайно, когда в силу ряда причин в 1922 г. МС РАИМК оказалась фактически расформированной, за возобновление ее деятельности больше всех ратовал МУЗО (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 1070. Л. 3–4). По поводу возобновления ее работы Н. И. Троцкая неоднократно контактировала с Н. Я. Марром. Это и понятно: получать экспертные оценки заявок на ОЛ и отчетов проще и быстрее было в Москве, нежели отправлять все материалы в Петроград. «Необходимость опираться в своей работе на компетенцию высокоавторитетного в вопросах археологии, этнографии, реставрации и истории искусства органа заставила Отдел по делам музеев принять самое деятельное участие в организации в 1918 г. в Ленинграде

Академии истории материальной культуры, воспринявшей все ответственные функции бывшей Археологической Комиссии». Этот пассаж из «Докладной записки» Отдела музеев в ГУС, составленной в связи с идеей совсем ликвидировать МС в 1924 г., объясняет активную позицию Н. И. Троцкой и ее значительную административную помощь Н. Я. Марру перед выборами в РАИМК. Согласно политике Наркомпроса, именно Академии, а не АПО определено передавались экспертные полномочия ИАК. На практике же из-за упомянутых выше личностных факторов наладить продуктивный контакт между МС и АПО оказалось весьма проблематично.

Подведем некоторые итоги. После Февральской революции 1917 г. в ходе бесконечных бюрократических преобразований разным органам передаются функции ИАК. Это касается не только археологии, но и музейной и реставрационной ее деятельности. Сама традиция озабоченности судьбой археологического наследия восходит ко времени ее основания — 1859 г. Видна связь с изначальными направлениями деятельности ИАК: полевые археологические исследования и собирание археологических коллекций. Собственно научный аспект долга остается в стороне. ИАК и создавалась больше как административное, нежели научное учреждение. Но после октября 1917 г. появляется возможность расширить сферу деятельности в области археологии, разделив два направления — научное и административное — между разными учреждениями. Вместе с тем нельзя не отметить, что эти возможности искусственно ограничивались конфронтацией АПО и РГАК-РАИМК, в то время как требовалась консолидация для укрепления позиций археологии.

В целом же можно сказать, что в рассматриваемый период с культурным наследием все обстояло не так плохо. Большевики были заняты последствиями Гражданской войны и разрухи и укреплением своей власти, а потому не особенно вмешивались. Но вопросы культуры не были забыты. С одной стороны — жесткая политика военного коммунизма (1918–1921 гг.). Отсюда в архивных материалах масса справок о сверхурочной работе сотрудников Отдела музеев и, соответственно, непривлечении их к всеобщей трудовой повинности (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. 431, 432 и т. д.). С другой стороны — небезуспешные попытки реально организовать систему сохранения культурного, в том числе археологического, наследия и управления им. Конечно, это было только начало. До современной организации полного учета полевых исследований предстояло пройти еще очень долгий и трудный путь.

Литература

- Белова Н. А. 2009. Перечень материалов экспедиций и исследований в фонде Императорской Археологической комиссии Рукописного отдела научного архива ИИМК // Мусин А. Е., Носов Е. Н. (ред.). Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). Приложение. СПб.: Дмитрий Буланин, 12–140.
- Васильева Р. В. 2000. Главное археологическое учреждение царской России. Императорская археологическая комиссия. 1859–1917 г. Заметки архивиста // Кирпичников А. Н. (ред.). Культурное наследие Российского государства. Т. 2. СПб.: Вести, 177–187.
- Городцов В. А. 1924. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 г. // Древний мир 1, 1–20.

- Городцов В. А. 1928. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // ТСА РАНИОН 2, 5–11.
- Грaбарь И. Э. 2001. Моя жизнь. Автомонография. Этюды о художниках. М.: Республика.
- Длужневская Г. В. 2006. Императорская археологическая комиссия — главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917) // ЗИИМК 1, 112–118.
- Жебелёв С. А. 1935. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н. Я. Марре // ПИДО 3–4, 172–173.
- Жуков Б. С. 1926. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918–1925 гг. // Этнография 1–2, 179–192.
- Императорская... 2009 — Императорская Археологическая комиссия (1957–1917). СПб.: Дмитрий Буланин.
- Окладников А. П. 1950. Успехи советской археологии. Л.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.
- Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. 1968. Л.: Наука.
- Пескарева К. М. 1980. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА 163, 26–32.
- Пескарева К. М., Рябинин Е. А. 1984. Первое государственное учреждение отечественной археологии // СА 4, 299–307.
- Платонова Н. И. 1989. Российская академия истории материальной культуры — этапы становления. 1918–1919 гг. // СА 4, 5–16.
- Платонова Н. И. 2010. История археологической мысли в России. СПб.: Нестор-История.
- Проект... 1911 — Проект закона об охране древних памятников в России. М.: Оттиск.
- Сорокина И. А. 2008. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула: Гриф и К.
- Тихонов И. Л. 2008. Императорская археологическая комиссия (1859–1918 гг.). К 150-летию создания // Из истории отечественной археологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 13–65.
- Троцкий Л. Д. 1991. Моя жизнь. М.: Панорама.
- Фармаковский Б. В. 1921. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Петроград: РАИМК.